

Экспедиции в деревню Водлу Архангельской области

В 1962 г., студенткой Московского архитектурного института я путешествовала по Карелии для знакомства со старинной деревянной архитектурой и попала в д. Водлу Пудожского р-на. На следующий год организовалась группа архитекторов и художников, и мы ездили в Водлу ежегодно до 1973 г. (Позже я побывала там в 1991 и в 1998 гг.) Под руководством архитектора Михаила Петровича Кудрявцева мы сделали проект архитектурно-природного заказника в Водле и безуспешно пытались его «пробить» у местного начальства. Собирали прялки и утварь по соседним брошенным деревням для будущего музея, фотографировали, рисовали. Прялки сохранились только на слайдах. Только на слайдах и фотографиях сохранилась и деревянная церковь Троицы, сгоревшая в марте 1998 г. У меня осталась коллекция слайдов и этнографических рисунков: часовни, дома, интерьеры, утварь, природа.

Деревня Водла упоминается в Новгородских летописях XV в. как земли новгородской боярыни Настасьи Григорьевой. Деревня расположена в среднем течении реки Водлы, которая берет начало из Водлозера и впадает в Онежское озеро у Пудожы. Ниже по течению нахо-

дятся деревни Кубово, Кривцы и другие, а выше, до жилой д. Чуялы на Водлозере, — только брошенные деревни: Нижний и Верхний Падун, Нижние и Верхние Половины, Вама. Восточнее Водлы сохранилось еще несколько брошенных деревень: на Салмозере — Усть-Река, Рубцово и Еремеевская, где мы застали последних жителей; на Кумбасозере и притоке Водлы реке Череве — Заволожье и Яблонья-горка; еще деревни Вирозеро, Тамбичозеро. Жители этих деревень переселились в Водлу. Население здесь русское.

В 1959 г. рядом с Водлой были построены поселки лесорубов, которые сейчас, разрастаясь, слились с деревней. В поселки приехали вербованные со всего Союза. До появления поселков деревня не знала ни замков, ни заборов, ни пьянства. Сейчас в деревне чуть больше десяти обитаемых домов (было 27). Молодежь переезжает в поселки или уезжает в города. Магазины, школу, почту — все перевели в поселки. Учительница Татьяна Ивановна Грибкова, приехавшая из Чернобыля, организовала в школе музей умирающей деревни Водлы.

Однажды я приехала в Водлу зимой. Темнеет на севере рано, и жители стали приглашать

Пелагея Федоровна Лыдинина. 1970-е гг. Фото автора

J=66

1. ЗА КАТИЛОБКАЧНО СОЛДАТЫ ШКО ЗА ДОЛГИ ЕТЭ МЫНГЕЛЕСА,
ДА ПРИ УМОКЛИПАШКИ ВОЛНЫ Е, СТАЛО НЕ СЛЫШНО ГОЛОСА.

2. О АНАПАШЕЧКА ПОЕТ, ПОЕТ, СИДИТ ВО ХИЖИНЫ СВОЕЙ,
А ОНА ДАЕТ АРУХА ЛЮБИМОГО КСЕБЕ ДВЕ НОЧКИ НОЧЕВАТЬ.

Пойду сяду я на лавочку,
Да погляжу, млада, в окно,
А что ни в поле пыля пыля(т), пыля(т),
Солдаты оружьями гремя(т).

Что ни в поле пыля пыля(т), пыля(т),
Солдаты оружьями гремят,
Да молодые натурёшники
Ой да со ученьца катя(т).

Приходили к населёнищу,
Просились у вдовки постоять:
— Да розмолодая хозяйюшка,
Ой пусти-ко солдатов ночевать.

— У меня не постоялой двор,
Да квартирушка маленька,
Три дни печка не топлёная,
Ой да ни варёно ничего.

Три дни печка не топлёная,
Да ни варёно ничего.

— А розмолодая хозяйюшка,
Ой да нам не нужно ничего.

Шли дорожкой приусталые,
Да мы желаем отдохнуть,
А резвы ножки подломилися,
Ой да по дорожке ни несут.

Резвы ножки подломилися,
Да по дорожке ни несут,
А очи ясны помутилися,
Ой да больше на свет не глядят.

— Если вам, братцы, угод(ы)но,
Пожалуйста в хижину мою.
Да тут зашли солдаты в хижину,
Ой оне сядились по местам.

Тут зашли солдаты в хижину,
Оне да сядились по местам,
А старший сел солдат на лавочку,
Ай да младший сел насупротив.

Старший сел солдат на лавочку,
А младший сел насупротив,
А хозяйюшка стала к печеньке,
Ой да уливаецы слезой.

Хозяйюшка стала к печеньке,
Да уливаецы слезой.
— Да ты об чём, хозяйяка, плачешь,
Ой да понапрасну слезы льёшь?

Ты об чём, хозяйяка, плачешь,
Да понапрасну слезы льёшь?
— Да как же мне, братцы, не плакати,
Ой да плакать Бог мине велел.

Как же мне, братцы, не плакать,
Да плакать Бог мине велел:
Да ни видала сына, мужа я
Ай да лет тринадцать во глаза.

Ни видала сына, мужа я
Да лет тринадцать во глаза.
— И вот тебе, хозяйюшка,
Дарю платочек носовой.

А то вот тебе, хозяйюшка,
Дарю я платочек носовой,
А во платочку узелочек,
Ай да в узюлочку перстенек.

Во платочку узелочек,
Да в узюлочку перстенек,
Да росфартовая хозяйюшка,
Ой да обручались мы с тобой.

А нам некогда, нам некогда
Сидеть бесёдовать с тобой.
Да ох как сами повернуися,
Да и пошли в кровавый бой.

$\text{♩} = 69-76$

1. ЧТО СЕ. ГО. Д. НЯ. ШНО. МУ ДЕ. НЕ. ЧКУ да,
 По СЕ. ГО. Д. НЕ. МУ ГО. СПО. Д. НЕ. МУ

2. О. Т ВЫ НЕ ВЕЙ. ТЕ, ВЕ. ТРЫ БУ. Й. НЫ. Я,
 НЕ КА. ЧАЙ. ТЕСЬ, МЕ. СЫ ТЁ. М. НЫ. Е.

3. У. Ж НЕ МУ. ТИ. СЬ. КО, КЛЮ. ЧЕ. ВА ВО. ДА да,
 НЕ ПЛЕ. ТИТЬ. КО, ШЕЛ. КО. ВА ТРА. ВА.

4. У. Ж ЗА. ПУ. СТИ. ТЕ МЕ. НЯ, БЕ. Д. НУ. Ю да,
 ВЫ ВО. ТУ РО. ЩУ ЗЕ. ЛЁ. НУ. Ю,

5. У. Ж ВО. О. ГРА. Д. КУ СА. МО. РО. Д. НУ. Ю,
 И ПО. СЛЕ. МО. Ё. ГО БЫ. ВА. НЬ. И. ЦЯ да,
 ПО. СЛЕ. МО. Ё. ГО ХО. ЖА. НЬ. И. ЦЯ

6. ЗА. РО. СЛА. ТЫ, ПУ. ТЬ. ДО. РО. ЖЕНЬ. КА да,
 ЧА. СТЫМ Е. ЛЬ. НИ. ЧКОМ. БЕ. РЕ. З. НИ. ЧКОМ,

7. МЕ. А. КИМ ЗЯ. Б. ЛЫ. ИМ О. СИ. Н. НИ. ЧКОМ да,
 КУ. ДРЁ. ВА. ТЫ. ИМ БЕ. РЕ. З. НИ. ЧКОМ

И КРА. СНОЙ Я. ГО. ДОЙ МА. ЛИ. НУ. ШКОЙ.

Нету людюшкам проходушку,
 Да нету заеду проскоку (шку).
 И там утерлышко не проплыто,
 И то цветочки не оборваны.
 Уж я возьму, бедна горящица...

Я валежничек повыпилю,
 А мелки леса повырублю.
 Путь-дороженьку повычищу
 А к тебе, подружка милая...

Я стоячий лес повырублю,
 А валежничек повыпилю,
 Разберу я путь-дороженьку
 Да что на ту на самну буйвону*,
 На могилку мелкотравчатку.

Стала ближе я трогаться,
 Стала горенка казаться,
 Я не знаю, что случилось,
 Мне во снях это приснилось.

У высокой новой горенки
 Есть косящато окошечко.
 Там сидит подружка милая,
 Сидит, ноженькой натаптыват,
 Белой рученькой намахиват,
 Да путь-дороженьку показыват.
 Стала ближе я трогаться,
 Стала горенка скрываться,
 Сырой земли да засыпаться.

— Ты постой, высока горенка,
 Не убойся меня, беднушки,
 Уж ты моя подружка милая.
 Не с огнём иду, не обожгу,
 Не с водой иду, не оболью.
 Я иду, бедна горящица,
 Д со своей ли со обидушкой,
 Да со злодейной со кручинушкой.
 Я не знаю только, беднушка,
 Где мне стать...

Вы завейте, ветры буйные,
 Со всех да с четырёх сторон.
 Разнесите-ко сырой песок.
 Расколись-ко, гробова доска, д
 Приоткнись-ко, белой саван,
 Покажись-ко, тело мёртвое,
 Каково-то личко блёклое.
 А ты вставай, подружка милая,
 Встань на резвые на ноженьки,
 На козловые сапоженьки.
 Принесла я тебе, беднушка,
 Со тех ли гор высокних,
 Со путей да со далёких

В резвы ноженьки хожаньца,
 В белы рученька маханьца,
 Во ясны очи гляжаньца,
 Во уста да говореньца.
 Уж ты пойдём, моя голубушка,
 Ты ко мне, бедна горящица.
 Да во любимое гостёбище.
 Про тебя, моя голубушка,
 Дубовы столики поставлены,
 Да самоварчики налажены,
 Разны кушанья сготовлены.

Ты конём идёшь, повывезу,
 Ты пешком идёшь, повыведу
 Ай ль скороходной новой вулочке.

У тебя, подружка милая,
 Хоть твои да бажоны деточки, дак
 Оны ходят, зачитаются,
 За желанья добиваются.
 Они у печки сидят, холодно,
 А у хлибца сидят, голодно.

На них обутка не по ноженькам,
 На них надетка не по плечикам.
 Знать кукушицу по перышкам,
 А сироту видать по платыцам.
 На кукушке перья пёстрые,
 На сиротке платья розные.

Не могла я только, беднушка,
 Тебя ни созвать да и ни выкликать
 Со сырой той со земелюшки.
 Возле этой вот земелюшки
 Дак у дверей стоят придвернички,
 А у ворот да приворотнички.
 Сама знаю, сама ведаю,
 Тоё на свете не водитсе,
 Живой с мёртвого не родитсе,
 Взад с могилы не воротятсе.

(«Ну пусть этим закончатся», — предложила Анна Ивановна.)

*Буево — кладбище

меня в гости — «на беседу». Возникла обстановка старых, забытых традиционных «зимних бесед», а с ними и песен — сначала пели деревенские романсы, а позже обрядовые песни и причёты. Эти песни сразу покорили меня. Я стала записывать слова, а к лету догадалась купить магнитофон и записывала с 1970 по 1973 г., стараясь охватить весь репертуар Водлы. Моим вдохновителем являлась фольклорист Юлия Евгеньевна Красовская. Позднее я переписала свою коллекцию на 10 кассет — всего 15 часов записей. Теперь я переписываю кассеты по жанрам и по мере расшифровки слов передаю копии в Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва). Я составила отдельную кассету с описанием свадебного обряда и свадебными песнями и причётами. Полторы кассеты заняла традиционный музыкальный фольклор: свадебные песни и причёты, похоронный причёт, колыбельная, баллада, рекрутские и лирические песни. В напеве похоронного и части свадебных причётов есть стилистическое сходство с былинами Рябининных. Песни в основном записаны от одного исполнителя или двух-трех, поющих почти в унисон. Несколько песен распеты на два-три голоса. Кроме традиционного фольклора, есть записи более поздних песен и романсов, «кадрели», частушки, сказки и рассказы. В кадрили иногда использованы тексты более старых лирических песен. Все исполнители родом из Водлы или соседних брошенных деревень.

Здесь представлена баллада «Закатилось красно солнышко» в исполнении сестер Пелагеи Федоровны Лыдиной, 1900 г.р., и Матрены Федоровны Богдановой, 1907 г.р., обе родом из д. Нижний Падун, запись 1970 г. Сюжет песни широко известен по всей России и опубликован во многих вариантах. Все варианты четко делятся на две группы, две разные песни (см.: *Кравцов Н.* Баллада «Муж-солдат в гостях у жены» // *Фольклор как искусство слова.* М., 1966). В песнях первой группы «Вы солдатики-улань» речь идет о множестве солдат, старший солдат оказался мужем хозяйки, он просит хозяйку не будить малых деток, которых «четверичка», так как ему скоро уходить. Песни второй группы «Закатилось красно солнышко» — о двух солдатах, которые оказываются мужем и сыном хозяйки. Представленная песня относится ко второй группе, но ее особенностью является добавление эпизода с перстеньком, заимствованного из песен первой группы, и концовка «А нам некогда», не встречающаяся в других вариантах этого сюжета, но записанная нами в Водле в разбойничьей песне о Чуркине. При этом песня имеет цельный и законченный характер. Нами записаны и два более распространенных, укороченных, варианта без эпизода с перстеньком, заканчивающихся словами:

— Ай не видала сына, мужа лет семнадцать
во глаза,
Но теперича увидела, а признать их
не могла.

Последние две строчки забыты, не поются, их помнила только 90-летняя Мария Петровна Васюнова.

Песни первой группы про «солдатов-улан» привязаны к Отечественной войне 1812 г. В песнях второй группы или не названо конкретное историческое событие, или названа война 1812 г.;

есть песни, привязанные к Кавказской войне и Отечественной войне 1941 г. Наш вариант не соотносится с историческими событиями и имеет некоторые противоречия. В начале песни «молдые натурёнцики со ученица катят», а в конце они «пошли в кровавый бой». В представленном варианте солдаты названы «натурёнциками», а в двух укороченных вариантах — «натуральщичками» и «надоемщичками». По поводу «натурёничков» и «натуральщичков» есть объяснение в словаре Даля: «Отдать в натуру — поставить в рекруты лично, не заменяя наймом». Слова «надоемщички» я не нашла ни в одном из диалектных словарей. Значение его объяснила мне Л.П. Михайлова из Карельского педагогического университета. Оно произошло от слов «донять, донимать» и характеризует отношение крестьян к солдатам.

Балладная песня — силлабо-тонического склада с цепной строфикой: в начале строфы повторяется вторая половина предыдущей строфы. Певцы могут договориться петь и без повтора, но с повтором считается красивее. В нашем варианте певцы поют то без повтора, то с повтором. Разное произношение одних и тех же слов в тексте объясняется тем, что одна исполнительница вспоминала строчку, другая подхватывала по-своему.

Исполнительниц песни сестер П.Ф. Лыдину и М.Ф. Богданову я близко не знала. Помню только, что Матрена Федоровна сначала стеснялась петь, приговаривая: «Голосок хриповат, кто же в этом виноват?» В ее исполнении записаны свадебные причёты, длинные кадрили. Вместе сестры спели также несколько свадебных песен.

В публикации представлен похоронный причёт в исполнении Анны Ивановны Ломовой (1912 г.р.), родом из д. Вирозеро, запись 1970 г. Незадолго до записи она так оплакивала свою подругу. Строфа состоит из двух, а иногда трех строк, причем третья строка повторяет напев второй. Такой прием применялся и в былинах Рябининных. Из-за переживаний Анна Ивановна смогла спеть только часть причёта, а остальное досказала словами. Поэтому во второй части не везде можно определить деление на строфы.

А.И. Ломова полно описала свадебный обряд ее родной д. Вирозеро. Говорила она низковатым голосом, а пела высоким чистым. В ее репертуаре были и свадебные причёта, и сказки, и песни литературного склада, и балладные песни.

В характере Анны Ивановны главное — спокойное достоинство и доброжелательность, обстоятельность, ответственность. Когда мужчины ушли на фронт, она была председателем колхоза, одно время — охотником. Она последняя водлинская причётница; на ее похоронах уже никому было причитывать.

Мне трудно писать об этих дорогих людях в прошедшем времени. Светлая им память. Пусть сохраняются их песни, как капля русской культуры.

Благодарю за помощь сотрудников Государственного республиканского центра русского фольклора А.Н. Иванова и В.Г. Смолицкого.

А.С. МОНАХОВА
(Москва)

«Шаповал ходарил сизимку?»

Тайный язык валяльщичков валенков села Покасы

Село Покасы находится на р. Чуишь, в Зубово-Полянском р-не Мордовии. Во второй половине XIX в. оно входило в Спасский уезд Тамбовской губ. и было крупным центром изготовления валяной обуви: в конце XIX в. этим промыслом занималась почти половина всех домохозяйек!

Публикуемый материал основан на рассказе жителя с. Покасы Владимира Тимофеевича Кемяшева (1941 г.р.), в прошлом — валяльщичка валенок. С его же слов составлен словарь «покаского языка». О занятии местных жителей — валке валенок — писали ученые Мордовского НИИ языка, литературы, истории, экономики (см., например: «О валенках вспоминают зимой...» // *Лузгин А.С.* Промыслы Мордовии. Саранск, 1993).

Меня заинтересовал тайный язык покаских мастеров, которым они пользовались, уходя зимой в отхожий промысел в соседние губернии Поволжья — Саратовскую и Пензенскую. Использовали они его и торгуя валенками, валяными шляпами на базарах и ярмарках в Спасском уезде Тамбовской губ. — ныне Зубово-Полянский, Торбеевский, Темниковский р-ны Мордовии и Беднодемьяновский р-н Пензенской обл.

В настоящее время валяльщички продолжают работать в домашних условиях, не уезжая из родного села. Продают свои изделия на ближайших базарах. «Покаский» язык забывается. В.Т. Кемяшев с трудом вспомнил отдельные слова и выражения промыслового языка его отцов, дедов и прадедов. Хотя признался, что у его старших земляков словарный запас условного языка значительно больше. И сейчас еще старички по давней привычке на рынке перекидываются словами из прошлого профессионального говора.

Тайный язык мог быть привнесен сюда заезжими мастерами-валяльщичками из Костромской и Нижегородской губерний, где этот промысел возник раньше, чем в Покасах; а мог возникнуть и непосредственно в полиэтническом регионе, каковым является запад Мордовии и граничащие с ним районы Пензенской обл. Сейчас в с. Покасы проживают русские, мордва-мокша, татары.

В языке покасцев встречаются слова и выражения из мордовского-мокша языка, например: «Хозяин-мас, как вергас!» («вергас» 'волк') — в значении 'хозяин очень находчивый, дошлий'.

В.Т. Кемяшев рассказал, как пользовались мастера своим языком. Приезжали в какое-либо село. Нанимали к одному из жителей на работу, валять из его материала (шерсти) валенки. Получив сырье, начинали меж собой обсуждать. «Да, жгонина шошна», — говорил один, тербя шерсть в руках. «Шошна», — соглашался другой. А хозяин стоит возле них ничего не понимая. «Вы